Денисова И. В.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/21.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. I. С. 49-53. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

науке стали высказывать предположение об отнесении договора концессии к особой разновидности лицензионного договора с множественным предметом [Зуйкова 2007: 21].

Таким образом, на данном этапе исторического развития нет оснований для отрицания лицензионной природы договора коммерческой концессии. Но с другой стороны в свете нового законодательства эти договоры стали настолько близки, что, как представляется, затруднит их применение на практике.

Список литературы

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. - М.: Статут, 2002.
Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. - № 14-ФЗ.
Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. - № 230-ФЗ.
Гражданское право России. Часть вторая. Обязательственное право. Курс лекций / Отв. ред. О.Н. Садиков. - М.: БЕК, 1997.
Зуйкова Л.П. Коммерческая концессия // Экономико-правовой бюллетень. 2007. - № 4.
Кабалкин А. Толкование и классификация договоров // Российская юстиция. 1996. - № 7.
Комментарий к Гражданскому кодексу РФ части второй / Под ред. В.Д. Карповича. - М., 1996.
Смирнов В. II часть ГК РФ с точки зрения патентоведа // Интеллектуальная собственность. 1997. - № 7-8.
Сосна С.А., Васильева Е. Н. Франчайзинг. Коммерческая концессия. - М.: ИКЦ «Академкнига», 2005.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Денисова И. В.
Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, г. Омск

Исследование процесса социализации традиционно рассматривается в рамках дихотомии “личность – общество”. Политический контекст эта проблема приобретает в конце 50-х годов XX века в связи с проблемой активного включения личности в социально-политический процесс, механизмами этого процесса, его основными факторами и результатами.

Сегодняшнее состояние российского общества характеризуется как переходное, сопровождающееся кризисом институциональной системы, сложившейся системы политических отношений, динамическими изменениями условий жизни в глобализирующемся мире. Ситуация неопределенности вызывает когнитивный диссонанс, связанный с обесцениванием прежних наиболее значимых ценностей, идеалов и порождает чувство психологического дискомфорта. Смена мифов в общественном сознании происходит болезненно: несоответствие реальных условий сложившейся системе представлений вызывает двоякую реакцию. С одной стороны, – отторжение нового знания, с другой – отказ от привычных стереотипов и принятие новых ценностей, нередко сопровождающееся утратой позитивного опыта, накопленного предыдущими поколениями, что часто приводит к облегченному, поверхностному представлению о сущности социально-политических процессов, происходящих в обществе. Это неизбежно сказывается на поведении граждан, которое далеко не всегда поддается рациональному объяснению и прогнозированию. С одной стороны, демократизация политической сферы жизни открывает широкий доступ к участию в политике, с другой стороны, наблюдается политическая апатия, отчуждение от политики. Обе тенденции связаны с разрушением целостной системы политической социализации, ее основных каналов, транслирующих базовые ценности от системы к личности. В ситуации разбалансированного институционального влияния на личность политическая социализация приобретает неуправляемый, стихийный характер. В результате происходит утрата доминировавших ранее эталонов социализации, наблюдается кризис идентичности, и, как следствие, – кризис в процессе взаимной адаптации личности и системы, ведущий к дальнейшему отчуждению, росту нестабильности.

Динамика социальных процессов и связанное с ней практическое решение политических проблем общества нуждается в их серьезном теоретическом осмыслении. Современное общество определяется сегодня как «постиндустриальное», «постмодернити», «постэкономическое», «информационное». Изменяются традиционные критерии социального прогресса, основными ресурсами которого становятся информация и знания. Новые условия объективно влияют на процесс становления нового типа личности. В этой ситуации обращение к проблеме политической социализации весьма актуально. Оно диктуется не только запросами практики, но и нуждами политологии, призванной не только описывать реальность, но и находить объяснения и давать прогнозы социального развития.

Специфика проявления особенностей политической социализации определяется тем, в каком состоянии пребывает общество, а, следовательно, политическая система и политическая жизнь в целом. Одно дело, когда общество пребывает в состоянии стабильного и устойчивого развития. Другое – когда оно переживает глубокий системный кризис. Третье – когда социальная система трансформируется в новое качественное состояние.

Современное состояние российского общества характеризуется как переходное, трансформационное, подверженное динамическим изменениям. Практически все исследователи подчеркивают, что на рубеже XX-XX1 веков цивилизация переживает некий критический период, точку бифуркации, когда происходят качественные преобразования, меняющие саму суть мировой экономической системы [Аюпов М.А. 2004: 38-40; Смолин О.Н. 2004: 225-227; Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. 1999; Ядов В.Я. 1999: 65-67].

Спецификой таких переходных явлений и процессов является их глобальный характер, связанный с переходом всего мирового сообщества на новую ступень научно-технического и социального прогресса. Понятие «переходный процесс», применяемое для исследования современных общественных процессов, включает, с одной стороны, исторический отрезок, во время которого старый порядок меняется на новый, а, с другой, – совокупность изменений, ход и развитие событий, в результате которых социальная система преобразуется от одного состояния к другому.

Как правило, понятия «переход» и «переходный процесс» связываются сегодня с процессами модернизации и трансформации. М.А. Аюпов утверждает, что понятия «переход», «переходный процесс» идентичны понятию «посткоммунистический процесс», поскольку общественные процессы, связанные с переходом от тоталитаризма к постсоветскому развитию в России и других посткоммунистических странах, имеют общие причины и черты [Аюпов М.А. 2004: 40].

Большинство ученых, отмечают, что в посткоммунистических обществах одновременно идут два процесса: модернизации и трансформации. Это означает, с одной стороны, ускоренный переход от преимущественно аграрного общества к индустриальному, а от него – к постиндустриальному (модернизация), а с другой – стратегию создания новых общественно-политических структур (трансформация). Понятие «трансформация» раскрывает сущность постепенных, но в то же время радикальных изменений социального типа общества, которые носят всеобъемлющий характер, охватывают все стороны жизни - экономику, политику, систему ценностей, все социальные институты и повседневную жизнь граждан. Наиболее комплексно рассматривает этот феномен Т.И. Заславская. Понятие «социальная трансформация», по ее мнению, означает постепенное и относительно мирное (не связанное с радикальной сменой элит), но вместе с тем глубокое и относительно быстрое преобразование социального типа или социальной природы общества, обусловленное в первую очередь не внешними факторами, а внутренними потребностями системы [Заславская Т.И. 1999]. Многие ученые подчеркивают, что в трансформационных процессах исторический вектор изменений объективно не задан, не предопределен. На первый план выступают моменты вариативности, непоследовательности. Акцент делается на таких характеристиках как непредсказуемость системных перемен, незавершенность формируемой общественно-политической системы, хотя фактор сознательных, целенаправленных усилий в них присутствует. Это, как правило, ведет к непредсказуемым последствиям, резко меняет общественное положение разных слоев населения [Беляева А.В.1997; Горшков М.К. 2000]. Однако трансформация имеет свои пределы. Это определяется тем, что общественный процесс предполагает определенную «институциональную матрицу» – исторически сложившуюся исходную модель базовых общественных институтов, сохраняющих свою сущность и обеспечивающих устойчивость и выживаемость общественной системы в целом. Нам представляется, что понятия «переход» и «переходный процесс» следует рассматривать более объемно, связывая с общей динамикой социальной системы в целом, не ограничивая его смысловое пространство политическими трансформациями, как это принято в транзитологии. Тогда политическая составляющая в этих процессах может быть связана с субъективной возможностью контроля над ним. Для нас методологически важно, что переходное состояние общества требует признания факта неопределенности, многовариантности перспектив его дальнейшего развития. Понятия «переход» и «переходный процесс», во-первых, раскрывают суть модернизационных, трансформационных процессов как экстремальных, кризисных, переломных процессов. Во-вторых, эти понятия указывают на промежуточность, межсистемный характер социальных изменений. В-третьих, они подтверждают социально-исторический характер общественного развития, решающую роль субъективного фактора в этом процессе, а, следовательно, необходимость и возможность управления его изменениями в желаемом русле, выборе определенного вектора движения к демократическим формам организации общества и государства [Аюпов М.А. 2004; Беляева А.В. 1997; Горшков М.К.2000; Ядов В.Я. 1999 и др.]. Это означает возможность сознательного выбора предпочтительной модели политической социализации индивидов.

До настоящего времени единой точки зрения в оценке процессов реформирования российской политической системы не сформировалось. Одни авторы связывают происходящие перемены с накоплением в России самостоятельного демократического потенциала [Горшков М.К. 2000; Завьялов В.Т.]. Другие говорят о демократическом транзите, который характеризуется замедлением трансформационных процессов [Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. 1998]. Большинство исследователей подчеркивают противоречивый, разновекторный характер политико-трансформационного процесса и отмечают невозможность однозначного определения его направленности [Гельман В.Я. 1999; Заславская Т.И. 2003; Мачкуев В. 2000; Панарин А.С. 1998]. Анализ политической трансформации в современной России происходит в рамках альтернативных форм политического развития, акцентирующих внимание на самобытности, уникальности характера трансформации. К этим особенностям относятся базовые характеристики политической культуры России, закономерно влияющие на процесс политической социализации и выступающие ее объективными факторами.

К ним относятся, во-первых, пограничное положение между Западом и Востоком, преобладание византийской политической традиции. Это находит отражение в своеобразном космополитизме, наднациональ-

ном характере власти и государства. Отсюда и корни сильнейшего патернализма, свойственного российской традиции, когда политические представления основываются на монархизме или «вождизме». Сюда же относится и этатизм – приоритетная роль государства в реформировании общества. В отличие от традиций западной демократии, опирающейся на ценности индивидуализма, в политическом сознании россиян укоренился высокий уровень ожиданий от государства. От него ждут не столько хороших законов, сколько конкретных действий, непосредственно связанных с жизнью граждан. Это предопределяет огромную роль бюрократии, патернализм, преобладание нелегальных связей в политико-правовых отношениях, ведущих к правовому нигилизму – неверию в эффективность и беспристрастность судебной власти, а также отчуждению граждан от политического процесса и, как следствие, – массовую инертность, иммобильность [Вильямс Д.А. 1993: 13-19]. Соответственно преобладающей является государственная самоидентификация граждан. Патриотизм тоже носит государственный характер. Политика представляется ареной борьбы сил «добра» и «зла». Если власть легитимна (то есть божественна), то выступать против нее – значит идти против Бога. Если же власть нелегитимна (то есть дьявольская) – необходимо проявление ее полного отрицания. Поэтому единственной моделью поведения оппозиции становится отказ от участия в политической жизни. В целом для россиян характерен слабый интерес к повседневному политическому процессу, что обусловлено традиционной закрытостью политики как особой сферы деятельности, право и обязанность участвовать в которой дано не каждому.

Еще одним важнейшим фактором российской политической традиции является «конфликт субкультур»: западнической и почвеннической, радикальной и патриархально-консервативной, архаической и этатистской, демократической и коммунистической, либеральной и консервативной. По мнению ряда исследователей, наиболее распространенный российский тип – субкультура «наблюдателей», в которой каждый десятый россиянин является носителем «приходской» культуры, а каждый двадцатый – представитель культуры «подчинения» [Завьялов В.Т. 2002: 216-218; Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. 1998: 94-96]. Такие культуры отличаются односторонней зависимостью индивида от власти, привычкой подчиняться власти и ожидать от нее решения всех своих проблем. Подобное отношение к власти многие исследователи объясняют идеей соборности как основной характеристики коллективного общественного сознания. Таким образом, религиозное и общинное мировоззрение традиционно являлось надежным средством легитимации власти в России. Это свидетельствует о неразвитости гражданского общества в России. Немаловажной особенностью политического развития России является чередование реформ и контрреформ [Пивоваров Ю.С. 1996].

Таким образом, переходный период в современной России можно охарактеризовать как период активно «догоняющей» модернизации, проводимой сверху политическими методами [Соловьев А. 1999: 33-37; Федотова В.Г. 1995]. Следует учитывать и так называемый «обратный мобилизационный эффект», то есть проявление наряду с модернистскими и «антимодернистских» тенденций. Это, в свою очередь, свидетельствует об амбивалентном характере политической модернизации в России, что закономерно отражается на ходе политической социализации россиян.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что важнейшей особенностью процесса политической социализации в современной России является его проблемный характер. Это проявляется, во-первых, в том, что в результате смены политического режима дискредитированными оказались ее прежние ценности, а механизм трансляции новых политических ценностей не функционирует. В связи с этим перед обществом стоит насущная задача выработки общезначимых целей и ценностей политической системы, их системная артикуляция через социальные институты и агентов политической социализации.

Во-вторых, проблемность современного процесса политической социализации проявляется в отсутствии преемственности в передаче социализирующимся индивидам опыта политического участия и поведения. Модели политического поведения старших поколений не находят поддержки у молодых, что ведет к политическому инфантилизму последних [Инглехарт Р. 2002: 106-129].

В-третьих, - успех модернизации, как правило, определяется поддержкой растущего среднего класса при условии высокой социальной мобильности. В России же, наоборот, наблюдается усиливающаяся дифференциация и поляризация общества. Средний класс аморфен и не может претендовать на роль надежного «балласта», обеспечивающего трансформации стабильный характер. Вместо развитой инфраструктуры гражданского общества и отлаженных каналов артикуляции общегражданских интересов самовыражение отдельных социальных групп компенсируется в России формированием элитных групп. Это закономерно ведет к оформлению элитного корпоративизма, не совместимого с социальным плюрализмом гражданского общества [Куколев И.В. 1997: 44-54].

В-четвертых, – успех политической модернизации определяется социальным контролем со стороны центральной власти и от силы этой власти. В сегодняшнем российском обществе наблюдается, с одной стороны, противоречивость и непоследовательность в деятельности власти, ее неэффективность и пассивность, а с другой, – инфантилизм населения, массовые проявления девиации и даже криминализации общественных отношений [Панарин А.С.: 319].

Эти специфические особенности определяют авторитарные методы деятельности политической элиты, предусматривающие только одностороннее – сверху вниз – движение команд при закрытом характере принятия решений.

Проблемность политической социализации усиливается мировоззренческим кризисом, что приводит к размытости и неопределенности процесса. Сознание личности оказывается расколотым, мозаичным, лишенным целостности. Ж.Т. Тощенко определяет его как «парадоксальное». Человек вынужденно принимает облик многих «Я» [Тощенко Ж.Т.: 36-54].

Особенностью политической социализации в современном российском обществе является также явное ослабление и разбалансирование социализирующего действия ее агентов. В условиях социальной аномии агенты политической социализации используют, как правило, свои эгоистические и коньюнктурные предпочтения. Эмпирические исследования показывают, что детские, юношеские, молодежные организации, политические партии, средства массовой информации чаще заняты своими внутренними проблемами и лоббированием конкретных интересов, чем непосредственной воспитательной работой [Изменяющаяся Россия 2000: 183; Россия в поисках стратегии 2000: 150].

Таким образом, для переходного российского общества характерно отсутствие целостной системы политической социализации. Наиболее значимыми ее факторами становятся конкретные экономические и политические события, способные повлиять на положение граждан.

Следствием указанных процессов и факторов является кризис идентичности, связанный со спецификой адаптации личности к динамически изменяющимся условиям ее существования [Овчинникова Ю.Т. 2003: 37 - 45]. Распад СССР позволяет говорить и о кризисе государственной идентичности. Человек утрачивает чувство Родины, стремится заполнить образовавшийся вакуум, идентифицируя себя с какими-либо религиозными, этническими, зачастую агрессивно настроенными, а то и криминальными общностями.

Подводя итоги, можно констатировать следующее:

– Политическая социализация в условиях политической модернизации российского общества имеет противоречивый, бессистемный характер;

– Основным фактором, определяющим характер политической социализации, является динамическая смена политических событий, что влечет за собой корректировку политических ценностей;

– Динамика политической жизни заставляет менять привычные модели политического сознания и поведения, что связано с ресоциализацией практически всех возрастных и социальных групп.

Таким образом, сегодняшнее российское общество находится в состоянии поиска новой модели политической социализации личности, отвечающей современным реалиям политической жизни России.

Список литературы

Аюпов М. А. Политико-трансформационные процессы в постсоветской России: региональный аспект. - М.: Российская академия гос. службы, 2004.

Беляева А. В. Социальная модернизация в России в конце XX века. - М.: РАН Ин-т философии, 1997.

Вильямс Д. А. Взгляд американцев на российскую ситуацию // Социологические исследования. – 1993. - № 2. – С. 13-19.

Гельман В. Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. – М.: Academia, 1999.

Горшков М. К. Российское общество в условиях трансформации. – М.: РОССПЕН, 2000.

Завьялов В. Т. Россия: Политические вызовы XX1 века / Второй всероссийский конгресс политологов. Апрель 2000. – М.: РОССПЕН, 2002. – С. 216-218.

Заславская Т. И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / ВЦИОМ, Моск. Высшая школа соц. и экон. Наук. – М., 1999.

Заславская Т. И., Калугина З. И. Россия, которую мы обретаем. - Новосибирск: Наука, 2003.

Заславская Т. И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность – 2004. - № 5. – С. 5-15; - 2004. - № 6. – С. 5-18.

Изменяющаяся Россия: вызовы и возможности / Под ред. Г.В. Осипова и др. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – Т. 2.

Инглехарт Р. Культура и демократия // Культура имеет значение / Под ред. Л. Харрисона и Л. Хантингтона. - М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 106 – 129.

Куколев И. В. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. – 1997.- № 4. – С. 44-54.

Лебедева М.М., Мельвиль А. Ю. «Переходный возраст» современного мира // Международная жизнь. – 1999. - № 10.

Лось В. А., Урсул А. Д. Устойчивое развитие. – М.: Изд-во «Агар», 2000. – С. 178–188.

Мачкуев Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая трансформация: проблемы, концепции, периодизация // Политические исследования. – 2000. - № 4.

Овчинникова Ю. Т. О путях разрешения кризиса идентичности // Вестник МГУ. – Серия 14. Психология. – 2003. - № 4. – С. 37-45.

Панарин А. С. Политология. – М.: «Проспект», 1998.

Пивоваров Ю. С. Концепция политической культуры в современной науке. Теоретико-методологические и историко-культурные исследования / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М.: ИНИОН РАН, 1996.

Россия в поисках стратегии: Общество и власть. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1999 году / Под ред. Г.В. Осипова и др. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000.

Рукавишников В. О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. – М.: Совпадения, 1998.

Смолин О. Н. Политический процесс в современной России: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 336 с.

Соловьев А. От трансформации стандартов политической культуры к реформе политических институтов власти // Власть. – 1999. - № 11. – С. 33-37.

Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. – М.: «Гардарики», 2001.
Федотова В. Г. Плюсы и минусы «догоняющей модернизации» // Модернизация и национальная культура. – М., 1995.
Ядов В. Я. Россия как трансформирующееся общество // Общество и экономика. – 1999. - № 10-11. – С. 65-72.

ИЗУЧЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ РАБОЧИХ КЛУБОВ И ДВОРЦОВ КУЛЬТУРЫ НОВОСИБИРСКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДСКИХ АРХИВОВ И МУЗЕЕВ

Духанов С. С.
Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия

Данная статья посвящена рассмотрению влияния структуры использованных архивных и музейных материалов на ход научного исследования по теме «Архитектура рабочих клубов и Дворцов Культуры города Новосибирска 1920 – первой половины 1950-х гг.», проведенного автором в 2002-2005 гг. на кафедре ОАПИАиГ в НГАХА.

Материалы из нескольких источников следует рассматривать в комплексе. В чем заключалась специфика источниковедческой базы данного исследования?

I. Типологическая структура архивных и музейных материалов

1. Материалы МИАС им. С.Н. Баландина (Музей истории архитектуры Сибири) представляют наиболее широкий спектр архитектурных материалов и с точки зрения иллюстративного ряда наиболее интересны для исследователя сибирской архитектуры. По клубной архитектуре и градостроительству Новосибирска первой половины XX века они представлены в основном богатыми фотографическими рядами, уникальными фотокопиями экспозиционных стендов, отмывок и реже чертежей проектной документации (на стадии эскизного проекта), которые все являются современниками исследуемого периода. Сохранились уникальные фотографии середины 1950-х гг., специально предназначавшиеся для так и не вышедших из печати альбомов, посвященных Дворцам Культуры Новосибирска. Кроме того, в МИАС имеются также копии графических материалов обмеров памятников, проводившихся в последней четверти XX века. Но при этом данные проектные материалы не сопровождаются стенограммами и пояснениями их авторов, что требует дополнительных данных и теоретических знаний для их архитектурной интерпретации и в широком смысле для работы с ними.

Документы музея оказались одним из тех источников, которые невозможно было отбросить после определенного этапа, как отработанный топливный отсек. Работа с иллюстративными материалами МИАС шла на протяжении всего исследования – из них постоянно черпались все новые знания. С чем это связано? Во-первых, с большим объемом содержащейся в них информации (т.к. это были графические материалы) и ее разносторонним характером, с большим объемом самих материалов (постоянно выявлялись все новые). Во-вторых, с исключительным характером этого источника (других собраний подобных документов нет). В-третьих, с тем, что графические материалы были «сырыми» – нуждались в постоянном «комментировании» стенографическими данными и к ним применялись последовательно нарабатываемые методики анализа.

2. Напротив, архивные материалы ГАНО, охватывающие период 1920-х – 1930-х гг. содержат богатые стенограммы по обсуждению крупнейших сооружений города, но графические материалы к ним отсутствуют (Дом Науки и Культуры). Без них трудно судить, о чем же спорят архитекторы различных «школ»? Иначе обстоит дело с материалами ГАНО по небольшим клубам и первым крупным Дворцам Культуры Новосибирска середины 1920-х гг. Здесь нет стенограмм обсуждений проектов архитекторами. Но зато представлен графический материал (рабочие чертежи – планы, фасады, разрезы и т.д.) и сметно-строительная документация. Такой характер материалов усложняет изучение творческой борьбы вокруг проектов и формотворческих импульсов ряда знаковых клубов города (Дом Ленина, Дворец Труда). Наконец, объекты НКВД (комплекс спортклуба «Динамо») вообще не представлены материалами.

3. Наиболее систематизированы с точки зрения архитектора-исследователя материалы МН-АО-НГА (Городского архива Мэрии Новосибирска). Они охватывают послевоенный период, когда стенограммы составлялись уже по строгим стандартам. Они содержат даты, список участников (с подробным указанием их должностей) и дополнены копиями чертежей: разверток по улицам и планов. В стенограммы иногда вложены кальки с поясняющими эскизами авторов. Сами стенограммы отредактированы, что все вместе дает ясное представление об объекте исследования. Но даже в этих стенограммах архитекторы не затрагивают прямо формообразующие концепции клубов. В итоге даже эти материалы потребовали аналитической обработки.

4. Наконец, материалы из личных собраний архитекторов, проектировавших клубы Новосибирска в первой половине XX в., также имеют свою специфику. Они включают уникальные материалы: не опубликованные и не сохранившиеся в архивах фотографии и графические эскизы экспозиционных альбомов и материалов. Фотокопии нигде, кроме этих источников, не сохранившихся рабочих чертежей интерьеров клубов и декоративных изделий, что особенно важно для изучения послевоенной клубной архитектуры. В альбомах тщательно приведен состав проектных бригад, что помогло установить творческие связи с центрально-европейскими «школами» России первой половины XX в. Бесценно общение с архитекторами – свидетеля-